

вопросы
русской
литературы

1977

ВЫПУСК 1(29)

МИНИСТЕРСТВО ВЫШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР
ЧЕРНОВИЦКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

35
463

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫПУСК 1 (29)

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК

Контрольный экземпляр

Львов
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЛЬВОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ „ВИЩА ШКОЛА“

1977

М. Г. Зельдович

Эстетика — социология — публицистика

(Г. В. Плеханов о природе и методе литературной критики)

Наследие Плеханова — теоретика критики — еще не исследовано с той основательностью и полнотой, которые отвечали бы и объективной ценности, и актуальности его идей для нашего времени. Едва ли не в первую очередь это относится ко взглядам Плеханова на природу критики, а отчасти и на ее метод. Хотя по данному вопросу в работах А. Луначарского, Б. Бурсова, Н. Бельчикова, П. Николаева, Н. Горбанева высказаны глубокие суждения, обозначившийся еще в 20-е годы преимущественный интерес к теории «двух актов критики» [2; 8, с. 41—53; 9, т. 8; 24, с. 23—41] оказался устойчивым и в значительной мере затмил другие грани концепции Плеханова (что, кстати сказать, не способствовало всестороннему осмыслению и самих «двух актов»).

Теория и методология критики привлекали внимание Плеханова под воздействием целого комплекса общественно-идеологических факторов, из которых главенствующую роль попеременно могли играть то одни, то другие — сообразно менявшимся обстоятельствам. При всем том сердцевиной этого комплекса стало динамическое, подвижное единство двух важнейших побуждений, двух центральных в области критики задач Плеханова. С одной стороны, анализ и оценка наследия революционных демократов, защита его от искажений и наветов, с другой — обоснование необходимости и методологических предпосылок новаторства современной критики, опирающейся на марксистскую философско-социологическую концепцию.

Во взаимодействии двух этих установок все большее значение приобретала последняя, обращенная в будущее, — прогностическая. Поэтому представляется недостаточным справедливое корректирование в работах наших исследователей ряда суждений Плеханова о Белинском, Добролюбове. Полезно разграничивать, насколько точны эти суждения применительно к революционно-демократической критике и в какой степени они верны в общетеоретическом плане. Порою ложные в частном случае, они содержат истину в более широком, методологическом масштабе, поскольку раскрывают марксист-

стские представления об основах, характере и задачах критики. Диалектику истины и заблуждения не следует примитивизировать.

Проблемно-методологически исходной и притом целостно выражающей структуру и логику плехановской теории является первая статья ученого из цикла «Судьбы русской критики», написанная по поводу книги А. Волинского «Русские критики» («Новое слово», 1897)*. Развенчивая и опровергая построения и претензии автора (этого не удалось сделать ни М. Протопопову [18], ни А. Скабичевскому [20]), Плеханов убедительно выстраивает своеобразную тематическую триаду: критика «философская» в духе субъективного идеализма — публицистическая критика революционных демократов — марксистская научная социологическая критика. Разработка этой проблематики выливается в анализ характера и метода каждой из разновидностей критики, в анализ, который всей своей сутью утверждает необходимость целенаправленного совершенствования критического метода. Что касается характера критики, то здесь на первом плане — природа и соотношение эстетического и публицистического начал; применительно же к методу исходное и главное для Плеханова — общефилософская база его, понимание механизма социально-исторического процесса, причем метод, естественно, является определяющим и по отношению к общему характеру критики.

И проблематика, и способ ее разработки в статье Плеханова (как и в последующих его выступлениях на интересующую нас тему) были соотнесены с общественно-литературным движением, связаны с тогдашними дискуссиями о критике. Признание значительности критики, ее роли как «самостоятельного рода творчества» [14, с. 57; 15; 19, с. 73], стремление поставить критику на службу своему литературно-эстетическому направлению вызывали повышенный интерес и к ее методологии вообще, и к наследию классиков, без омысления и оценки которого никакие новации в этой области утвердиться не могли. С середины 90-х годов, ознаменовавшихся острыми спорами по вопросам методологии общественных наук, проблема метода критики настойчиво выдвигалась на порядок дня представителями различных философско-эстетических убеждений — от марксистов до народников, от позитивистов до приверженцев крайнего субъективизма, «веховца» М. Гершензона, «импрессиониста» Ю. Айхенвальда. Даже признавая со своих позиций завоевания новейшей критики, преимущественно в области эстетической, П. Боборыкин настаивал на поисках надежных критериев, полноценного метода, без которых эти успехи могут оказаться призрачными [3, с. 173—174;

* Статья первоначально предназначалась для марксистского сборника (см.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1. М., 1925, с. 163), что весьма важно учитывать для верного ее прочтения.

7, с. 327—342; 12, столб. 679—688]. Своего рода «признаком времени» было и отрицание общезначимых критериев, неверие в самую их возможность [5, с. 132—133].

В сущности, другой ипостасью проблемы метода стали споры о характере критики, о соотношении в ней эстетического и публицистического начал, споры, развернувшиеся в связи с оценкой и наследия революционных демократов, и деятельности современных авторов. В научной литературе обычно — и с полным на то правом — подчеркивается тенденциозность обвинения классиков критики в односторонне-публицистической направленности их работ, в пренебрежении эстетической сутью искусства [4; 6; 23]. Но в конце XIX—начале XX вв. явственна и другая линия, приверженцы которой, на первый взгляд, занимают полярную позицию, а в действительности придерживаются в принципе тех же взглядов. Так же «разъединив» публицистику и эстетику в демократической критике 40—60-х годов, низведя ее до примитивного утилитаризма, они пытались такую направленность и структуру критики возвести в норму, узаконить своими апологетическими характеристиками. Еще в начале 90-х годов о таком намерении было заявлено в программной статье «Русского богатства»: литературная критика, в отличие от критики эстетической (терминологическое различие), — «это социологическое исследование в легкой популярной форме, пользующееся материалом, доставляемым художественной литературой, и употребляющее исключительно субъективный метод» [11, с. 140]. Поэтому не с обычной укоризной, а сочувственно писалось о том, что статьи Белинского, Добролюбова были работами всего лишь «по поводу» [19, с. 74—75], что критика Добролюбова «всецело публицистическая» [10, отд. II, с. 61] и что он «наиболее чистый представитель публицистической критики» [12, с. 685].

Такого рода характеристики и мнения не только искажали теоретические воззрения и творческую практику революционных демократов, но и указывали сомнительные ориентиры критике современной, облегчая тем самым пропаганду эстетских, субъективистских воззрений.

Все эти, а также другие обстоятельства времени, о которых будет еще сказано, конструктивно или полемически учесть Плехановым в споре с Волинским и в последующих статьях о судьбах русской критики.

Опровергая противопоставление «философской» критики критике публицистической, Плеханов последовательно доказывает невозможность «разлучить» критику с публицистикой. Однако в их непреложном единстве он усматривает два качественно различных варианта. Первый связан в 40—60-х годах с просветительским типом мировоззрения критиков, обращавшихся в своих статьях к проблемам самой жизни, дабы обличить несправедливость и утвердить правильный взгляд на ин-

тересы и устремления русской демократии. Как же могла такая критика не быть публицистической?.. Но ее проповедь опиралась на воззрения отвлеченные, идеалистические и не обладала объективной «социологической основой» [17, т. 6, с. 288]. По убеждению Плеханова, идеализм в понимании истории неизбежно порождает просветительство в политике. Отдавая предпочтение теории, он не учитывал в достаточной степени конкретного социального смысла революционно-демократических идей Чернышевского, Добролюбова. «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа» [1, т. 29, с. 560].

Однако отнюдь не безукоризненным утверждениям Плеханова присущ и особый «поворот», игнорировать который по меньшей мере нецелесообразно, в частности, при изучении его теоретико-критических взглядов. Подчеркивая ограниченность просветительского варианта публицистической критики, Плеханов тем самым целеустремленно оттеняет новаторство другой ее разновидности, представленной марксистской критикой. Он существенно уточняет не только термины, но и сами понятия, предполагая новое истолкование научности критики. Журналистика конца XIX—начала XX вв. то и дело ратовала за «научную теорию искусства и критики» [16], за «научно-филологический грунт» [3, с. 175] методологии критики и вообще за ее научность или «научообразие» [7, с. 332; 12, с. 684]. Однако за этими призывами таились ложные философско-эстетические принципы, между тем как Плеханов программно связывает научность критики с творческим применением принципов исторического материализма. Такого рода критика неотделима, однако, от публицистичности. Напротив, в ней будет активно развиваться публицистическое начало, основанное на марксистском объяснении социально-классовых предпосылок искусства и объективных путей социалистического преобразования действительности, то есть на научной социологии. Таково, по Плеханову, исторически закономерное движение критической мысли: из прошлого — через современность — к обозримому будущему, — воплощенное и в перемене самого ее характера, и в постепенном раскрытии природы и возможностей истинной критики вообще [21, с. 190—200].

Целостно изложив свою концепцию в статьях 90-х годов, Плеханов в дальнейшем сосредоточивается на отдельных проблемах, актуальных в пору нового поветрия субъективизма после революции 1905 г. Конечно, идейно-политическая эволюция самого Плеханова дала о себе знать и в этом случае (нажим на отвлеченном просветительстве и известная недооценка революционности плеяды Чернышевского—Добролюбова), но его коренные, устойчивые убеждения, отталкивание от просветительской абстрактности, от субъективистского произвола

содействовали провозглашению исходных принципов научной социологической критики.

Знаменательна в этом плане статья «Добролюбов и Островский» (1911), в которой Плеханов, все еще считавший публицистику необходимым элементом просветительской критики, замечает, что и сам Добролюбов «ничего не имел бы против размежевания публицистики с литературной критикой» [17, т. 24, с. 59], делая тем самым явную уступку той точке зрения, которую намеревался опровергнуть. Выходило, что публицистичность реальной критики — только следствие «просветительства» и цензурного гнета (его роль в данном случае, безусловно, преувеличена)*. Значит, если публицистичность нельзя считать виной Добролюбова, то его бедой ее признать придется, хотя бы для того, чтобы не впасть в противоречие с логикой.

В итоге Плеханов доказал скорее необходимость публицистики, чем ее органичность для статей Добролюбова, и не усмотрел тех законов, на которых зиждется в них единство публицистического и эстетического.

Безусловно, противоречивость позиции Плеханова обусловлена не какими-то логическими «неувязками», а более глубокими причинами, в частности тем, что и теперь едва ли не одна из главных внутренних проблем в статье Плеханова — своеобразие философско-методологических основ современной, уже подлинно научной критики. Не всегда исследователи обращают внимание на сложность и дифференцированность плехановской терминологии в сфере критики и — соответственно — на расчлененность его представлений в этой области. Плеханов по-прежнему различает критику социологическую и публицистическую, причем не по внешним признакам, не по стилю, а по самой философской и методологической природе. Если публицистическая критика занята анализом жизненных фактов, изображенных художником, так сказать — жизненного прототипа произведения, то критика социологическая, научная исследует произведение как идейно-художественную целостность, выясняет общественно-исторические предпосылки и смысл его идейно-образной концепции («социологический эквивалент данного литературного явления», как сказано в знаменитом предисловии к сборнику «За двадцать лет» (1908), в тесном взаимодействии с этим актом ведет анализ эстетических достоинств произведения. Не сама по себе социология, как ни велика ее роль в научной критике, а диалектическое единство материалистической социологии и эстетики является здесь новаторской чертой метода [13]. В сущности, теория «двух актов» и служит обоснованием такого единства.

Публицистичность свойственна критике и публицистической, и социологической, но различна прежде всего ее природа.

* В. Полонский также полагал, будто при других условиях Добролюбов обратился бы непосредственно к жизни («Новый журнал для всех», 1911, № 37, с. 86—87).

В первом случае публицистичность — во многом результат своеобразного отхода от произведения, во втором — результат погружения в него, целостного социолого-эстетического анализа. Научная критика «объективна как физика, и именно поэтому чужда всякой метафизики. И вот эта-то объективная критика... оказывается публицистической именно постольку, поскольку она является истинно-научной» [17, т. 10, с. 192].

В борьбе за научную, социологическую критику Плеханову важно было отграничить ее от критики, по его мнению, донучной, собственно публицистической (если пользоваться его терминологией), показать методологическую ограниченность последней.

Прежде всего публицистика в публицистической критике неполноценна, недостаточно убедительна, а значит, и недостаточно влиятельна. Во-вторых, просветительство, хотя и не исключает в критике эстетических потребностей и интересов, эстетической оценки произведения, все-таки делает трудно достижимым единство социологического и эстетического анализа*. Отсюда — как бы вынужденное обращение к публицистике «сверх» анализа или даже без анализа произведения, отсюда — и господство публицистики в такого рода критике вообще.

Если Плеханов подчеркивал правомерность и силу реальной критики по отношению к позиции А. Волынского, то, сравнивая с критикой научной, он стремился выявить и даже выпятить ее несовершенство. «Теперь возможна научная литературная критика, потому что теперь уже установлены некоторые необходимые проlegomena общественной науки. А раз возможна научная критика, то публицистическая критика, как нечто от нее отдельное и независимое, становится смешным архаизмом» [17, т. 10, с. 196].

Философско-методологический подход к проблемам критики обусловил широкую историческую и методологическую перспективность концепции Плеханова, привел к соотносению таких категорий, как мировоззрение и критический метод, таких важнейших периодов в судьбах русской критики, как 40—60-е годы XIX — начала XX вв. В суждениях Плеханова, хотя и не без противоречий и упрощений, отразился новый опыт истории и подсказанный им угол зрения на природу критики. Плеханов выдвинул новые проблемы, по-новому ставил старые, приобретавшие уже репутацию банальных и бесперспективных (вроде вопроса о публицистичности критической мысли), поднял их на уровень философии критики. Недаром Плеханов был крупнейшим после революционных демократов теоретиком литературной критики.

* При чтении статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве» Плеханов делает пометку: «Это критика жизни, а не...» И хотя дальнейший текст обрезан при переплетении книги, противопоставление понятно: а не литературы (Библиотека Дома Плеханова. Шифр Д6256. Добролюбов Н. А. Соч., т. 3. Спб., 1885, с. 427).

Соотношение же теорий Плеханова с его критической практикой (проблема, намеченная уже А. Луначарским), с одной стороны, их роль в развитии дооктябрьской марксистской критики и осознании ее идейно-методологического новаторства, с другой — темы для специальных работ. Не предваряя их результатов, хотелось бы напомнить принципиально важный вывод авторитетного исследователя: «Ленин вслед за Марксом и Энгельсом создал методологические основы для построения научного литературоведения не только как сферы применения теории исторического материализма (или одной из областей, подтверждающих верность этой теории, как это нередко было у Лафарга и Плеханова), а как целостной, широкой научной дисциплины, неразрывно объединяющей социологический и исторический аспекты изучения литературы с художественно-гносеологическим и эстетическим» [22, с. 35]. Такова здесь генеральная перспектива.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Астахов В. Г. Литературно-эстетические взгляды Г. В. Плеханова в советской критике (Плеханов и критика 20-х годов). Душанбе, 1973.
3. Боборыкин П. Д. Распутье критики. — В кн.: Куда мы идем? М., 1970.
4. Горбанев Н. А. Плеханов в литературной борьбе начала XX в. Махачкала, 1972.
5. Гуревич Любовь. Без мерил. — В кн.: Гуревич Любовь. Литература и эстетика. М., 1912.
6. Зельдович М. Г., Черняков М. В. Н. А. Добролюбов. Семинарий. Изд-во Харьков. ун-та, 1961.
7. Кранихфельд Вл. О критике и критиках. — «Современный мир», 1911, № 8.
8. Лежнев А. Плеханов как теоретик искусства. — «Печать и революция», 1925, № 3.
9. Луначарский А. В., Г. В. Плеханов как литературный критик. — Собр. соч. в 8-ми т. М., «Худож. литература», 1967.
10. Морозов П. Н. А. Добролюбов. — «Образование», 1896, № 12.
11. Н. Г. Задачи литературной критики. — «Русское богатство», 1890, № 12.
12. Неведомский М. Зигзаги нашей критики. — «Запросы жизни», 1911, № 11.
13. Николаев П. А. Существует ли «общественный эквивалент» литературы? (Г. В. Плеханов о двух актах литературной критики). — «Науч. докл. высшей школы. Филолог. науки», 1966, № 1.
14. Николаев П. А. Возникновение марксистского литературоведения в России. Изд-во Моск. ун-та, 1970.
15. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., «Наука», 1975.
16. Оболенский Л. Е. Основы научной теории искусства и критики. — «Русская мысль», 1895, № 3.
17. Плеханов Г. В. Соч. в 24-х т. М.—Л., 1923—1927.
18. Протопопов М. Критик-декадент. — «Русская мысль», 1896, № 3.
19. Протопопов М. Критики Тургенева. — «Русская мысль», 1896, № 1.
20. Скабичевский А. Литература в жизни и жизнь в литературе. — «Новое слово», 1896, № 6.

- 21. Суровцев Ю. О научно-публицистической природе критики. — «Звезда», 1975, № 4.
- 22. Фридлиндер Г. М. Развитие марксистской эстетической мысли от К. Маркса и Ф. Энгельса к В. И. Ленину. — В кн.: Наследие Ленина и наука о литературе. Л., «Наука», 1969.
23. Холодов Е. Уроки Добролюбова. — «Театр», 1961, № 11.
24. Яковлев М. Теория и практика литературной критики у Плеханова. — «Печать и революция», 1928, № 7.

*Кафедра истории русской литературы
Харьковского университета*

О. П. Пресняков

А. А. Потебня о времени и пространстве в художественном произведении

Современное литературоведение все более осознает необходимость основательного изучения специфики художественного времени и пространства. Заново пересматриваются труды всех, кто занимался этим вопросом у нас и за рубежом (М. Бахтин, М. Гюйо, Г. Рейхенбах, Р. Пенроуз, Р. Ликова и др.), появляются новые исследования и разработки [9; 10]. Закономерно возникают соображения о необходимости углубить всю проблему художественного времени и пространства, перевести ее на качественно новые рубежи системности и синтетичности [1, с. 214].

На этом пути интересен и небесполезен опыт тех классиков филологической науки, которые также задумывались над сходными проблемами, искали их решения. В частности, важные и перспективные идеи о времени и пространстве художественного произведения развивались еще в XIX в. А. А. Потебней. Литературоведческое наследие Потебни пока еще мало изучено. Его взгляды на художественное время и пространство почти не освещались в литературе. Лишь в работах самых последних лет начала намечаться постановка этого вопроса [8, с. 45—46; 12, с. 353].

Те, кто занимался изучением философских взглядов Потебни, отмечали пристальное внимание ученого к категориям времени и пространства, указывали, что, осмысливая их, Потебня становился на позиции преодоления идеализма, приходил к оригинальным стихийно-материалистическим выводам [2, с. 43; 13, с. 151]. Но при этом как-то оставалось незамеченным, что философские взгляды Потебни на время и пространство теснейшим образом связаны с такими именно его представлениями о художественном творчестве, которые долгое время воспринимались

Содержание

История критики и эстетической мысли

М. Г. Зельдович. Эстетика — социология — публицистика	3
(Г. В. Плеханов о природе и методе литературной критики)	
О. П. Пресняков. А. А. Потебня о времени и пространстве в художественном произведении	10
И. И. Доценко. Н. К. Михайловский о Тургеневе	17
Л. И. Зверева. Комедия А. Н. Толстого «Насильники» в оценке театральной критики 1913—1914 годов	23
Г. М. Теленько. А. В. Луначарский о Ч. Диккенсе	29

Литература XIX века

И. А. Попова. Особенности художественного времени в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»	38
О. П. Охрименко. К. Д. Ушинский-писатель	44
И. Т. Баранов. Крестьянская проблема в последних рассказах В. Г. Короленко	51

Поэтика

В. Л. Удалов. Драматургия Д. Н. Мамина-Сибиряка (к вопросу о формах конфликта в литературе)	60
М. М. Гиршман, С. В. Кузин. Особенности авторской позиции и организация повествования в рассказе А. Битова «Солдат»	69
Н. А. Познякова. Речевой портрет в творчестве А. Ф. Писемского (на материале произведений 50-х годов)	76

Фольклор и литература

Е. М. Таланчук. Фольклор в лирике А. К. Толстого.	83
---	----

Межнациональные отношения русской литературы

В. Н. Тихомиров. Традиции Гете в повести Тургенева «Фауст»	92
О. Н. Осмоловский. Достоевский и Байрон (к постановке проблемы)	100
Л. Н. Хохулина. Роль детали в произведениях Тургенева и Флобера	107

Публикации

В. Моторный, В. Попов, З. Урбан. Неопубликованные письма А. П. Чехова	112
---	-----

Рецензии, библиография, хроника

- А. В. Чичерин. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., «Художественная литература», 1975. 116
- В. П. Малинковский. Ломунов К. Лев Толстой в современном мире. М., «Современник», 1975. 122
- А. А. Слинко. Смирнов В. Б. Н. А. Некрасов и журнальная поэзия «Отечественных записок», Уфа, 1972; Смирнов В. Б. Литературная история «Отечественных записок». 1868—1884. Пермь, 1974. 125
- В. Збыровский. *Studia Polono-slavica-orientalia Acta Litteraria*. Т. 1—2. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. Wyd. PAN, 1974—1975. 129
- И. А. Спивак. С. Я. Маршак в поэзии. (К 90-летию со дня рождения поэта). 133
- В. Д. Павличенко. Столетие выдающегося советского драматурга. 135
- Антонин Дмитриевич Оришин** 139